

УДК 341.9

DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_20

Варчук Александр Анатольевич (varchuk.aleksander@yandex.ru)Студент Института Частного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**Alexander A. Varchuk**
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Institute of private law, Student

Научный руководитель:

Викторова Наталья Николаевна
Доцент кафедры международного частного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кандидат юридических наук
Academic supervisor**Natalia N. Viktorova**
Assistant professor of Private International Law Department
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Candidate of Juridical Sciences

**Компаративный анализ института траста и договора
доверительного управления имуществом
Comparative analysis of the trust institute and the fiduciary
management agreement**

Для цитирования: Варчук А. А. Компаративный анализ института траста и договора доверительного управления имуществом // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 3. С. 20–28. DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_20.

For citation: Alexander A. Varchuk 'Comparative analysis of the trust institute and the fiduciary management agreement', Ural Journal of Legal Research, 2021, No. 3. pp. 20–28. DOI 10.34076/2658_512X_2021_3_20.

Аннотация: В настоящем исследовании автор с помощью сравнительно-правового метода проводит разграничение института траста и договора доверительного управления имуществом (глава 53 ГК РФ). Цель работы обусловлена периодически встречающимся в доктрине отождествлением и нередко смешением рассматриваемых институтов. Более того, проблема усложняется в связи с отличающимися доктринальными представлениями о сущности траста, а также его специфических чертах.

Рассматривая сущностные характеристики, а также ряд критериев, относящихся к форме указанных правовых конструкций, автором сделаны выводы о недопустимости смешения данных институтов. Между тем в рамках разграничения доверительной собственности и доверительного управления с практической точки зрения заслуживающими внимания являются исследованные автором вопросы субъектного состава, а также ответственности перед бенефициарами.

Особую роль в вопросе отделения траста от договора доверительного управления носят аспекты, связанные с выбором применимого права к трастовым отношениям, в частности, их верная квалификация. Основываясь на международных источниках в совокупности с оценкой доктринальных позиций, автор указывает на необходимость применения «закона наиболее тесной связи» к регулированию траста.

Кроме того, неотъемлемым компонентом работы является рассмотрение наиболее примечательных судебных дел, которые становились неким фундаментом для формирования в будущем определенных правовых позиций, а также анализ действующего зарубежного законодательства, в частности, сделан акцент на нормах о трасте офшорных юрисдикций. В свою очередь, с помощью данного метода раскрываются специфические черты трастовых отношений, обуславливающие несколько отличающееся правовое регулирование института доверительной собственности за рубежом.

Ключевые слова: траст, договор доверительного управления, протектор, траст, доверительный управляющий.

Abstract: In this study, the author uses a comparative method to distinguish between the trust institute and the fiduciary management agreement (Chapter 53 of the Civil Code of the Russian Federation). The purpose of the work is connected to the identification and confusion of the examined institutions, sometimes found in the doctrine. Moreover, the problem is complicated because of different doctrinal ideas about the essence of the trust, as well as its specific features.

Considering the essential characteristics, as well as a number of criteria, related to the form of these legal structures, conclusions about the impossibility of mixing these institutions are made. Meanwhile, the issues of the subject matter, as well as responsibility to beneficiaries, studied by the author, are worthy of attention within the framework of the differentiation of trust property and trust management, from a practical point of view.

Aspects related to the choice of the applicable law to the trust relationship play a special role in the issue of separating the trust institute from the fiduciary management agreement, and in particular their correct qualification. Based on international legal sources and an assessment of doctrinal positions, the author points out the need to apply the “law of the closest connection” to the regulation of the trust.

Moreover, an integral component of the work is the consideration of the most notable court cases, which became a foundation for the formation of certain legal positions in the future, as well the analysis of current foreign legislation, in particular, the rules on the trust of the offshore jurisdictions is especially considered. In turn, with the help of this method, the specific features of trust relations are revealed, and this determines the slightly different legal regulation of the institution of trust property abroad.

Keywords: trust, fiduciary management agreement, protector, trustee, fiduciary

Институт доверительной собственности (*Trust*) имеет довольно продолжительную историю существования в странах англосаксонского права и закрепился в качестве востребованного правового механизма. Всё более распространенная практика применения трастов может свидетельствовать об определенной эффективности данного института. Более того, некоторые попытки укоренить институт были сделаны и в России, в частности, отметим Указ Президента РФ от 22 декабря 1993 г. № 2296 «О доверительной собственности (трасте)». Однако в виду фундаментального противоречия принципам вещного права стран континентальной Европы применение трастов попросту невозможно. Но это не означает, что суды не должны признавать положений о трасте, содержащихся в англо-американском праве.

В свою очередь, вопрос применимого права к трастовым отношениям должен решаться на основе закона наиболее тесной связи (*proper law или lex connectionis fermitatis*), возможность применения которого отражена в ст. 1186 и 1211 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹. В данном вопросе В.А. Канашевский указывает на законодательство некоторых офшорных юрисдикций, содержащих обстоятельства применения *Proper law*: а) место управления трастом, избранное учредителем; б) местонахождение имущества траста; в) место жительства или ведения бизнеса доверительного собственника; г) цели траста и место (территория), где они должны быть достигнуты [1, с. 65]. Между тем, согласно ст. 7 «Гаагской конвенция о праве, применимом к трастам, и о признании трастов» 1985 г., коллизийный вопрос, в отсутствии выбора применимого права сторонами, регулируется именно таким способом².

Однако стоит отметить, что зарубежная и отечественная доктрина не выработала какого-либо единого подхода к пониманию сущности траста в виду некоторых различий в законодательстве Великобритании, США и офшорных государств, а также отличающихся в них правовых традиций. Во многом это обуславливает наличие правовой неопределенности в понимании траста российскими правоведами.

Более того, в науке встречаются позиции, согласно которым происходит отождествления траста и договора доверительного управления. Несмотря на то, что между институтами имеются некоторые сходства, указывать на их равенство принципиально недопустимо. Вместе с тем и смешение рассматриваемых явлений может являться серьезной проблемой при решении судом коллизийного вопроса. Следовательно, необходима определенная структура, в рамках которой возможно четко разграничивать данные правовые механизмы.

С одной стороны, в обеих конструкциях осуществляется доверительное управление лицом, получающим имущество от учредителя. Соглашение между субъектами конфиденциально, а также, как показывает практика, практически все договоры осуществляются на возмездной основе. Более того, доверительный управляющий и трасти (Trustee) выполняют схожие обязанности в интересах бенефициаров и несут ответственность за свою деятельность.

Однако, с другой стороны, указанные сходства представляют собой достаточно поверхностный анализ специфики рассматриваемых институтов, поэтому ниже будут представлены некоторые аспекты в вопросе разграничения данных правовых конструкций. В трасте *legal title* (титул по общему праву) принадлежит трасти, в то время как *equitable title* (титул по праву справедливости) – бенефициару, это обусловлено фидуциарным характером отношений внутри конструкции, в рамках которой происходит «расщепление» права собственности [2, р. 23]. Другими словами, одной частью правомочий обладает доверительный управляющий (управление и распоряжение имуществом), а другой – бенефициар (получает доход от использования имущества). Как правило, после завершения траста бенефициар остается единственным собственником имущества, однако трастовым договором может быть предусмотрено иное.

Кроме того, принципиальным отличием является то, что «учредитель траста передает имущество в собственность доверительного собственника, тогда как по договору доверительного управления учредитель передает имущество в «доверительное управление», а не в собственность доверительного управляющего» [3, с. 182].

В свою очередь, континентальное право не признает возможность расщепление титула права собственности, поскольку это бы противоречило основам вещного права. В виду

1 Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – № 49 от 03.12.2001. – Ст. 4552.

2 Гаагская конвенция о праве, применимом к трастам, и о признании трастов 1985 г. // URL: <https://assets.hcch.net/docs/8618ed48-e52f-4d5c-93c1-56d58a610cf5.pdf>.

различного понимания данного феномена сущность траста некоторые ученые пытаются объяснить через обязательственную природу. Однако данные теории скорее представляют попытку увязать траст с представлениями о праве континентальной Европы, в том числе и России, нежели выбрать верную объяснительную модель и раскрыть сущность данного института.

Доктрина не выработала единого подхода к пониманию траста как правовой конструкции, некоторые авторы считают его самостоятельной организацией, сходно компаниям, указывая на возможность траста создавать юридические лица и открывать банковские счета. Другие утверждают, что у него отсутствует юридическая личность в виду отсутствия записей в публичных реестрах, а сделки от его лица заключает доверительный собственник [4, р. 450–453].

Однако несмотря на некую неопределенность, отношения между участниками траста представляются вещно-правовыми, данный институт не является договором, хотя и возникает в силу соглашения между учредителем и трасти. Последний, в свою очередь, отвечает не перед учредителем, а перед бенефициаром, то есть перед субъектом, обладающим титулом по праву справедливости, а не перед стороной в соглашении.

Подобную позицию также можно встретить в работах Е.А. Суханова: «Рассмотрение траста как обязательства по управлению переданного в траст имущества в интересах бенефициарных собственников, которые вправе требовать его принудительного исполнения, является весьма условным, ибо траст не является институтом договорного или обязательственного права» [5, с. 47].

Таким образом, в вопросе сравнения двух институтов исходя из некоторых определенных сущностных характеристик, поиск этих сходств представляется довольно затруднительным в виду принципиальной разницы их юридической природы.

Договор доверительного управления имуществом представляет пример обязательственного правоотношения в отличии от траста, являющегося вещно-правовым.

Отдельным пунктом в вопросе разграничения рассматриваемых институтов является *causa* (causa), то есть с какими целями и намерениями совершается сделка. Сущностью траста является *causa donandi* (заключается в намерении одарить кого-либо), другими словами, безвозмездно создать третьему лицу (бенефициару) определенное имущественное право. В свою очередь сделка по передаче имущества в доверительное управление осуществляется с целью профессионального управления им и, как правило, преумножения этого имущества, если речь идет, например, о ценных бумагах. Следовательно, одно и то же фактическое действие (передача имущества в доверительное управление) имеет не только различные юридические последствия, но также и совершается изначально исходя из отличных целей.

Несмотря на то, что с одной стороны субъектный состав траста и договора доверительного управления имеет некоторые сходства необходимо сделать акцент на существенные различия в данном вопросе.

Во-первых, ответственность доверительного собственника несколько отличается от обязательственной модели в договоре доверительного управления. Таким образом, трасти несет ответственность не перед учредителем траста, а перед бенефициарами. Однако и бенефициары не обладают комплексом прав кредиторов, как, например, в обязательственном правоотношении. Их правомочия, как правило, сводятся к возможности исковой защиты своих прав, а также праву запрашивать информацию об имуществе траста и иных бенефициарах. При этом, например, в дискреционном трасте (*discretionary trust*) у бенефициаров фактически отсутствует возможность требования от трасти отчетов об активах и иной информации.

Это объясняется тем, что фигура доверительного собственника не является формальной, он также не выступает в качестве простого управляющего. Трасти – собственник имущества, управляет им по своему усмотрению и его право ограничено лишь некоторыми нормами

права. Более того в виду того, что правоотношение является фидуциарным его поведение скорее регулируется принципами морали, «он должен управлять имуществом, как примерный отец семейства, передавая получаемые доходы тем лицам, которые указываются в качестве бенефициаров» [6, с. 237].

Тем не менее права бенефициаров хорошо защищены сложившейся судебной практикой. Доверительный собственник обязан проявлять заботливость (*duty of care*) и преданность (*duty of loyalty*) при управлении имуществом траста. Трасти должен воздерживаться от получения дохода от траста для себя (*no profit rule*), интересы бенефициаров, в свою очередь, должны превалировать над собственными. Более того, трасти должен возместить ущерб, если причиняет его, нарушая свои обязанности, а также может быть привлечен и к уголовной ответственности в случае злоупотребления своими полномочиями [7, с. 397].

В отличие от трастовых отношений конструкция доверительного управления имуществом представляет собой синалагматический договор, в котором стороны несут взаимные обязательства. Также учредитель управления является кредитором по отношению к доверительному управляющему и, как правило, конечным бенефициаром.

Во-вторых, необходимо отметить особую роль протектора (*protector*) траста, которым может выступать не только физическое, но и юридическое лицо (например, аудиторская или юридическая фирма). Данная фигура – это своего рода ответ учредителя на отсутствие права в отношении переданного в траст имущества, поскольку протектор подотчетен именно ему. Другими словами, роль протектора ограничена полномочиями по контролю над деятельностью доверительного собственника и предупреждению некоторых возможных злоупотреблений со стороны трасти [13].

Так, в трастовом договоре могут быть предусмотрены следующие полномочия: обязанность трасти предоставлять отчеты об использовании имущества, согласие протектора на совершение определенных сделок, изменение протектором перечня бенефициаров, назначение протектором нового доверительного собственника и другое.

Однако, как отмечается в зарубежных источниках, наделение протектора безграничными или слишком широкими полномочиями в отношении траста может являться основанием для признания его доверительным собственником и, следовательно, некоему разрушению самой конструкции, а также признанию траста недействительным [8, р. 515]. В качестве примера признания такой конструкции недействительной можно указать довольно известное дело *ACB vs. Пугачев*. При этом, подчинение договора праву Британских Виргинских островов или иной офшорной юрисдикции, в которой законодательно предусмотрена возможность наделения протектора указанными полномочиями, потенциально может решить данную проблему.

Следующие признаки в вопросе разграничения рассматриваемых институтов продиктованы формальной составляющей, нежели сущностью правовых явлений. Однако все же следует подробно на них остановиться.

Во-первых, форма соглашения сторон правоотношения. В литературе нередко указывают на следующие способы создания траста: односторонний акт учредителя, его договор с доверительным собственником и указание закона [9, с. 274].

Как правило, взаимоотношения учредителя и трасти регулируются трастовым договором (*trust deed*) или письмом о намерениях (*letter of wishes*) [10, р. 575]. Последнее, в свою очередь, хотя и не является обязывающим документом, но для трасти и принимаемых им решений представляет определенное значение. Думается, наличие такой своеобразной формы для создания траста объясняется фидуциарным характером правоотношения и историческим контекстом во время становления доверительной собственности как института.

Также определённой альтернативой трастовому договору может являться трастовая декларация (*declaration of trust*), представляющая заявление трасти, в котором он указывает согласие управлять трастом на изложенных условиях.

В зарубежной доктрине, помимо указанного, отмечают возможность создания трастов в устной форме [8, p. 508]. Однако данный способ представляется излишне рискованным, поскольку, применяя его, стороны не сумеют с достаточной долей определенности зафиксировать цель, условия и юридические последствия создания доверительной собственности.

Важно указать о существовании конструкций «законного траста» (*statutory trust*), учреждаемых, например, для управления имуществом малолетних или недееспособных лиц, а также трастах, создаваемых на основании судебного решения (*constructive trust*).

В свою очередь, форма договора доверительного управления императивным образом отражена в ст. 1017 ГК РФ – обязательная письменная форма, а в случае передачи недвижимого имущества такая передача подлежит государственной регистрации. Однако отметим, что законодатель в ст. 1026 ГК РФ также предусматривает возможность учреждения доверительного управления по основаниям, предусмотренным законом³.

Следовательно, количество вариаций в рамках согласования воли трасти и учредителя представляет собой более широкий перечень, в отличие от единой законодательно установленной формы договора доверительного управления имуществом.

Во-вторых, рассматривая траст через призму континентального права, следует отметить, что возможна его реализация в форме односторонней сделки, в случае если учредитель назначает доверительным собственником себя. Например, лицо правомочно на выделение из своего имущества определенной вещи или их совокупности для управления ею в интересах другого субъекта. Кроме того, сущность упомянутой ранее конструкции трастовой декларации также позволяет сделать вывод о возможности заключения односторонней сделки.

Более того, как отмечает Дж. Пеппер, английское право допускает совмещение в одном лице не только ролей учредителя траста и доверительного собственника, но и учредителя и бенефициара [11, с. 41]. Например, лицо передает ценные бумаги или иные активы в доверительную собственность компании для управления ими в своих интересах. Данная вариация трастовых отношений имеет определенные сходства с договором доверительного управления по российскому праву.

Также следуют рассмотреть аспекты, связанные со сроком правоотношений. Так, в силу прямого указания ГК РФ существенным условием договора доверительного управления является срок, составляющий по общему правилу 5 лет.

Однако законодательство допускает и возможность его увеличения в случаях, прямо предусмотренных законодательством. Например, п. 14 ст. 18 Федерального закона «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» указывает на возможность заключить сторонам договор доверительного управления сроком не более 15 лет⁴.

Нормы зарубежного законодательства, регулирующие срок действия траста, несколько отличаются в зависимости от правопорядка. Закон о трастах Британских Виргинских островов 1961 г. указывает на возможность создания траста пожизненно или до 100 лет⁵, законодательство Великобритании допускает создание на срок до 125 лет⁶. В свою очередь, на островах

3 Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон Рос. Федер. от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.12.2001. № 49. Ст. 4552.

4 Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации: федеральный закон Рос. Федер. от 24.07.2002 г. № 111 // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3028.

5 Закон о трастах 1961 г. Британских Виргинских островов. // URL: <https://www.trusts.it/admincp/Uploaded-PDF/20803261942520.BVI%20Trustee%20Act%201961.pdf>.

6 Perpetuities and Accumulations Act 2009. // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2009/18/contents>.

Джерси (Закон о трастах 1984 г.)⁷ и Гернси (Закон о трастах 1989 г.), а также ряда других государств разрешается создание так называемого бессрочного траста⁸. Однако общая тенденция единая – условие о сроке, хотя и является значимым для согласования его сторонами, но существование траста возможно и без его определения.

В данном исследовании заключительным аспектом, требующим рассмотрения для целей разграничения траста и договора доверительного управления, является вопрос личного исполнения обязательств.

Конститутивным признаком договора доверительного управления имуществом является личное исполнение управляющим функций по осуществлению доверительного управления. Однако данное свойство в доктрине нередко используют в качестве обоснования фидуциарного характера правоотношения. Между тем, как отмечают М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, личное исполнение не означает отнесения договора доверительного управления к категории лично-доверительных сделок в виду отсутствия всех необходимых признаков фидуциарной сделки [12, с. 811, 846].

В свою очередь, траст хотя и представляет собой фидуциарное правоотношение, однако личное исполнение обязательств по управлению имуществом со стороны трасти не является определяющим признаком. Это объясняется наличием у доверительного собственника титула по общему праву, следовательно, он может управлять имуществом и с помощью третьих лиц, без ущерба интересам бенефициара.

Однако в данном случае обязанность трасти проявлять заботливость (*duty of care*) и преданность (*duty of loyalty*) по-прежнему остается важнейшим постулатом в правоотношении. Например, если основным активом, переданным в траст, являются акции компании, то доверительный собственник становится акционером, а значит и обладает правами участника общества. В частности, рассматривая случаи мажоритарного участия, в круг его обязанностей будет входить назначение единоличного исполнительного органа, одобрение определенных сделок, совершаемых компанией и т.д. В качестве примера ответственности трасти за недостаточную осмотрительность в рамках реализации указанных функций можно привести дело 1980-ого года, связанное с группой компаний «Barclays», в котором суд обязал доверительного собственника возместить те убытки, которые возникли у бенефициаров из-за его недостаточной заботливости и осмотрительности, поскольку он допустил своим бездействием злоупотребление полномочиями со стороны высшего менеджмента общества.

Таким образом, несмотря на то, что можно найти определенные сходства между трастом и договором доверительного управления отождествление их принципиально недопустимо. Часто некоторую общность можно увидеть во многих договорах, например, из числа различного рода посреднических соглашений, однако это не делает их идентичными. В свою очередь особое значение данный вопрос приобретает при выборе применимого к правоотношению права.

Между тем лишь совокупность рассмотренных положений может свидетельствовать об отличиях института траста и договора доверительного управления имуществом. Другими словами, полностью верным обоснованием разграничения указанных конструкций не может являться какой-либо один указанный аспект, оторванный от иных юридических фактов.

В заключение отметим, что рассмотренные институты несомненно будут и далее активно применяться в обороте. Однако их правильная квалификация в совокупности с верно определенным правом, подлежащим применению, позволит участникам правоотношений обрести более стабильную и предсказуемую систему, в которой они ведут свою деятельность.

7 Закон о трастах 1984 г. о. Джерси. // URL: <https://www.jerseylaw.je/laws/revised/Pages/13.875.aspx>.

8 Закон о трастах 1989 г. о. Гернси. // URL: https://www.trusts.it/admincp/UploadedPDF/200709271208380.lGueTheTrusts_Guernsey_Law1989.pdf.

Библиографический список

1. Канашевский В.А. О праве, применимом к офшорным трастам, и об их признании // Закон. 2013. № 4. С. 63–73.
2. McLoughlin P., Rendell C. Law of Trusts. London, 1992. – 23 p.
3. Канашевский В.А. Офшорные компании и трасты. Антиофшорное регулирование: 2-е изд., доп. – М.: Международные отношения, 2019. 182 с.
4. Faust D. I. Asset Protection Trusts: Some Practical Guidelines // Trusts in Prime Jurisdictions / ed. by A. Kaplan. 3rd ed. Globe Business Publishing Ltd, 2010. P. 450–453.
5. Суханов Е.А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 11. С. 44–56.
6. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В.А. Туманова. М.: Международные отношения, 1999. 237 с.
7. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник: Т.1. – 4-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Е.А. Васильев, А.С. Комаров. – М.: Международные отношения, 2005. – 397 с.
8. Matthams P.J. Fundamental Aspects of the Trust Deed // Trusts in Prime Jurisdictions / Ed. by A. Kaplan. Globe Business Publishing Ltd., 2010. 790 p.
9. Паничкин В.Б. Англо-американское трастовое право: монография. – М.: Проспект. 2020. – 274 с.
10. Hauser B.R. International Family Governance: Integration with Family Trusts // Trusts in Prime Jurisdictions. 2019. P. 579–587.
11. Пеппер Дж. Практическая энциклопедия международного налогового и финансового планирования. М.: Инфра. 1998. 41 с.
12. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг: 3 изд. М.: Статут, 2008. 1056 с.
13. Роль протектора в офшорном трасте // URL: <http://www.roche-duffay.ru/articles/pdf/Protector.pdf>.

References

1. Kanashevsky V. A. On the law applicable to offshore trusts and on their recognition // Law. 2013. №. 4. p. 63-73.
2. McLoughlin P., Rendell C. Law of Trusts. London, 1992. – 23 p.
3. Kanashevsky V. A. Offshore companies and trusts. Anti-offshore regulation: 2nd ed., supplement-M.: International Relations, 2019. 182 p.
4. Faust D. I. Asset Protection Trusts: Some Practical Guidelines // Trusts in Prime Jurisdictions / ed. by A. Kaplan. 3rd ed. Globe Business Publishing Ltd, 2010. P. 450–453.
5. Sukhanov E. A. On the trust management of property as a mandatory legal method of exercising the right of ownership // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. №. 11. p. 44–56.
6. David R., Joffre-Spinosi K. The main legal systems of modernity / per. with fr. V. A. Tumanov. M.: International relations, 1999. 237 p.
7. Civil and commercial law of foreign countries: textbook: Vol. 1. - 4th ed., reprint. and additional / ed. by E. A. Vasiliev, A. S. Komarov. - M.: International Relations, 2005. – 397 p.
8. Matthams P.J. Fundamental Aspects of the Trust Deed // Trusts in Prime Jurisdictions / Ed. by A. Kaplan. Globe Business Publishing Ltd., 2010. 790 p.

9. Panichkin V. B. Anglo-American trust law: monograph. - Moscow: Prospect. 2020 – 274 p.
10. Hauser B. R. International Family Governance: Integration with Family Trusts // Trusts in Prime Jurisprudence. 2019. P. 579–587.
11. Pepper J. Practical Encyclopedia of International Tax and Financial Planning. Moscow: Infra. 1998. 41 p.
12. Braginsky M. I., Vitryansky V. V. Contract law. Contracts for the performance of works and the provision of services: 3rd ed. Moscow: Statute, 2008. 1056 p.